

УДК 821.161.1-3

**ЧИТАТЕЛЬ В СОЗНАНИИ АВТОРА «АНОНИМНОГО»
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
(случай Д. Н. Бегичева)**

А. И. Федута

Европейский гуманитарный университет (Вильнюс, Литва)
департамент социальных и политических наук

В статье рассматривается авторская установка на читательское восприятие, характерная для «анонимных» произведений – текстов, автор которых сознательно скрывает свое имя от публики, превращая анонимность в элемент игры с адресатом. Материалом становится роман русского писателя «второго ряда» Д. Н. Бегичева «Семейство Холмских» – один из «бестселлеров» пушкинской эпохи.

Ключевые слова: *Д. Н. Бегичев, русская литература, автор, читатель, роман, аноним, В. Скотт, «Семейство Холмских», Ф. В. Булгарин, Н. А. Полевой, А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов*

Когда автор конструирует в своем сознании облик предполагаемого читателя, главное место уделяется преимущественно потенциальным читательским ожиданиям. Автор вынужден дать ответ на три вопроса: чего ждет читатель от произведения, насколько эти ожидания совпадают с авторским представлением о произведении и каким предстанет он перед читателем как автор. Имя автора и связанная с ним ассоциативная цепочка становятся частью общих читательских ожиданий. Так, читатели «Евгения Онегина» знают, что имеют дело с автором «Руслана и Людмилы» и «Кавказского Пленника» [см.: 10], и тем неожиданной оказывается для них открытость происшедшей с автором перемены.

Когда читатель сталкивается с неизвестным ему авторским именем, опорным для восприятия знаком становится название произведения, жанровое определение и даже полиграфическое оформление книги. «Российский Вертер» М. В. Сушкова вызывает к воспоминаниям о «Вертере» И. В. Гете; подзаголовок «Роман в стихах» после названия «Семейство Комариных» призван поставить его в ряд с «Онегиным» и т. д.

Анонимное (либо подчеркнуто псевдонимное) произведение становится визитной карточкой «Господина Никто». Читатель сталкивается с текстом, эстетическая и этическая позиция автора которого публике незнакомы. В дальнейшем авторство произведения, обретшего популярность, становится знаковым и начинает заменять имя. Так было в случае с В. Скоттом, укрывавшимся под именем «автора "Уэверли"». Так было и в случае с Д. Н. Бегичевым, представлявшимся публике «автором "Семейства Холмских"». В подобных случаях изначальная установка на рецепцию имеет особое значение: автор строит творчество как диалог с одним и тем же читателем.

Роман «Семейство Холмских» появился в печати в 1832 году; ему предшествовали публикации отдельных фрагментов в журнале «Московский Телеграф». Сам автор определил его жанр в подзаголовке как «некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян» – то есть,

нравописательный роман. О том же свидетельствует и посвящение анонимному читателю ***, в котором автор говорит: «Представление современникам картины образа их жизни, изображение нравов, пороков, заблуждений, предрассудков, разврата, притеснения подвластных, ябедничества, несправедливости судей и прочих злоупотреблений – все это, как мне казалось, может, хотя некоторым образом, споспешествовать благотворным видам правительства, то есть, способствовать к улучшению общей нравственности, и тем более, если, вместе с изобличением пороков, поставлена в противоположность добродетель и открыты средства к достижению возможного счастья и спокойствия в здешней жизни» [1, ч. 1, с. VIII–IX]. Жанр был известен аудитории и любим ею: уже первое произведение жанра – роман Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин» – стало бестселлером, полный 2-хтысячный тираж которого разошелся в 15 дней и потребовал допечатки. Таким образом, жанрово и «Семейство Холмских» нацелено на успех. Неслучайно А. С. Пушкин в «Графе Нулине» – своеобразной энциклопедии провинциального читательского вкуса 1820-х гг. – рисует свою героиню Наталью Павловну со схожей книгой в руках: «Роман классический, старинный, // Отменно длинный, длинный, длинный, // Нравоучительный и чинный // Без романтических затей» [8, с. 4].

Очевидно, однако, что изначально читательские аудитории романов не совпадают. Н. А. Полевой отмечает: «В кабинетах, в гостиных, на бирже, в городах, в деревнях, в целой России Сочинения Г-на Булгарина, и особенно Иван Выжигин, составляют предмет разговоров. Просвещенные и невежды, умные и неразумные, дамы, старики, офицеры, купцы, чиновники, даже девушки и дети толкуют о Булгарине, о его успехах литературных» [11, с. 65]. Полевой подчеркивает широту аудитории, принявшей «Выжигина» как *свой* текст. По утверждению коротко знавшего Ф. В. Булгарина и вхожего в правительственные кулуары О. А. Пржецлавского, «тогдашним шефом жандармов, графом Бенкендорфом, по Высочайшему повелению Императора Николая было объявлено устно автору, что Государь изволил читать “Выжигина” с удовольствием» [7, с. 457]. Тот же Н. А. Полевой, выполнивший обязанность литературного редактора «Семейства Холмских», рассчитывал, что и этот роман станет бестселлером, «что анекдоты об известных лицах и разные их проделки понравятся нашей публике, жадной ко всяким общественным сплетням, и что книга может иметь успех...» [6, с. 299].

Полевой не ошибся, роман действительно имел успех [см.: 9], но его аудитория не была столь же широкой. Как отмечал Н. И. Надеждин, «Семейство Холмских» «можно прочесть на досуге, кому есть время читать и кого природа снабдила долготерпением, могущим одолеть без ропота шесть толстых книг» [4, с. 328]. Данной характеристикой нельзя обозначить массовую аудиторию. Шеститомный роман адресован именно *досужему* читателю, имеющему свободное время и тратящему его на чтение. Таким читателем в России первой трети XIX века было поместное дворянство. Автор прямо указывает на «идеального» читателя, на которого рассчитывает: «Я буду доволен и тем, если какой-нибудь степной, небогатый помещик, молодой человек, не знающий никакого другого языка, кроме своего природного, с удовольствием прочитает, вместе с своею женою, мою книгу, воспользуется предложенными мною примерами и правилами, собственно для себя, для семейства своего, и от души скажет мне: “спасибо!”» [1, ч. 1, с. LXX–LXXI]. Купцы, чиновники, офицеры, прочие, кому на чтение выпадает время, проводимое вне службы или дела,

остаются вне аудитории-адресата, поскольку растянутый сюжет, обилие лиц и отсутствие вятой интриги делают книгу для них непривлекательной. («Иван Выжигин» Булгарина сюжетно опирается на плутовской роман: у него лихо закрученная интрига, стремительно движущийся сюжет и т. д.). В этом отношении можно сказать, что каждый из авторов – и Булгарин, и Бегичев – пишет книгу для такого читателя, каковым является сам: столичный журналист и делец Булгарин имеет иные пристрастия, нежели провинциальный дворянин и чиновник Бегичев, и их жизненный темп совпадает с темпом предполагаемых читателей. Отсутствие жизненной «скорости» отмечает, в частности, один из первых критиков «Семейства Холмских» Н. И. Надеждин: «<...> через несколько страниц вас одолеет смертная скука: вы увидите себя как будто в одном из тех длинных, бесконечных ходов, кои тянутся в катакомбах, обставленные с обеих сторон мумиями» [4, с. 329]. И далее: «Длинный, бесконечный рассказ тянется медленным, однообразным шагом, не оживляемый ни игрою воображения, ни теплотою чувства» [4, с. 330]. Показательно, что Надеждин сознательно использует для оценки повествования в романе сравнение с движением – подчеркнуто замедленным.

Оба автора подчеркнуто «олитературируют» свои тексты, но и здесь очевидна разница. Булгарин, наделяя персонажей «говорящими» именами и фамилиями, опирается на традицию прозы XVIII – начала XIX вв., в первую очередь, ту ее ветвь, которая уже стала массовой литературой. Имена персонажей романа Бегичева также имеют истоком просветительскую литературу, но более высокую: основной источник персонажей для Бегичева – «Горе от ума» А. С. Грибоедова, чего Булгарин, позиционирующий себя в общественном сознании как близкий друг Грибоедова, избегает, так как не может столь откровенно заимствовать образы из его неизданной комедии – тем более, что он пытается также играть роль душеприказчика Грибоедова [3, с. 152–185]. В то же время Д. Н. Бегичев, также входящий в окружение Грибоедова (он брат С. Н. Бегичева, действительно ближайшего друга комедиографа), рассматривает прием заимствования персонажей как отсылку к *известному / неизвестному* тексту: официально комедия «Горе от ума» не разрешена цензурой, и те, для кого имена Чацкого и Фамусова являются говорящими, ощутят привкус некоторой полузапретности. Несмотря на видимую «расхожесть» грибоедовского текста, его популярность более локальна; списки комедии расходятся преимущественно среди образованной публики, как и положено «высокой комедии», аудитория которой не совпадает с аудиторией фарса. Наконец, каждой главе «Семейства Холмских» предпослан эпиграф из классика – Ж. де Лабрюйера, К. Гольдони, К.-М. Виланда, Дж. Аддисона, Г. Р. Державина и др., адресованные литературно образованному читателю.

Сюжетная основа «Семейства Холмских» также предполагает вдумчивое, протяженное во времени чтение. В романе переплетается несколько сюжетных линий, связанных с младшим поколением семьи, имя которой послужило заглавием. Каждая из четырех сестер и брат олицетворяют одно из человеческих качеств, обуславливающее их судьбу после брака: Наталья – равнодушие, Елизавета – честолюбие, Катерина – чувствительность, Алексей – расчет, Софья – мудрость. Автор предвосхищает идею Л. Толстого о том, что каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Персонажи постоянно перемещаются во времени и пространстве, их судьбы контрастируют в соответствии с изначальной авторской установкой, изложенной в подзаголовке книги. Каждый из характеров воплощает

собой определенную черту, но не обладает психологической полнотой. Автор романа словно останавливается, предлагая читательскому воображению дорисовать остальное.

И частью этого *остального* является и сам облик автора, имя которого остается для читателя загадкой. В предисловии к первой книге, сохраненному во всех изданиях романа, автор объясняет анонимность тем, что не хочет вступать в полемику с критиками (то есть, с публикой, от имени которой выступают критики): «Напротив, спрятавшись за кулисы, я стану равнодушно читать и слушать, как будут меня отделять, и письменно и словесно. <...> Дельною и справедливою критикою я воспользуюсь, а грубости могу перенести свободно, быв сокрыт непроницаемою завесою неизвестности. Сохраняя таким образом мое *инкогнито*, стану я прислушиваться и смеяться, как будут рассуждать о моей книге и *отгадывать* имя сочинителя» [1, ч. 1, с. LXVI–LXVII] (выделено авт. – А. Ф.). В. Скотт, на анонимность романов которого явно ориентируется автор «Семейства Холмских», объяснял этот ход иначе: «Предоставляю публике отгадать причины, заставившие меня скрыть свое имя. [...] Может быть, я новичок в литературе и не хочу принять непривычного названия Автор, или стыжусь, что часто уже надоедал публике, и прибегаю к таинственности для большей занимательности. Может быть, я принадлежу к такому важному званию, в котором унижительно быть романистом, или живу в большом свете, где всякое покушение авторствовать кажется педанством. Может быть, я еще так молод, что мне рано называться писателем, или так стар, что пора отказаться от этого названия» [2, с. 21–22].

Вместе с тем в реальности Д. Н. Бегичев ведет себя вовсе не так, как декларирует анонимный автор «Семейства Холмских»: его волнует реакция на книгу, в том числе и критиков; можно даже сказать, что автор нетерпим к критике. Поэтому в третьем издании «Семейства Холмских» кроме обычного предисловия есть и отдельный ответ на основные упреки в адрес романа.

Избирая читательскую аудиторию, автор строит сюжет «Семейства Холмских» как параллель реальному жизненному бытию своих читателей. Он предлагает возможные варианты судьбы все того же «степного, небогатого помещика», на которого он рассчитывает, создавая свой текст. Но одновременно он дает понять, что жизненный опыт читателя – одна из возможных реализаций той или иной сюжетной коллизии романа – одновременно и его собственный жизненный опыт. Иными словами, «пишу о том, что вижу и знаю, и о том, что видите и знаете вы, мои читатели». Это серьезно отличает авторскую установку Бегичева от авторской установки других «анонимов» и «псевдонимов». Так, Рудый Панько рассказывает читателям об экзотической Малороссии; Марлинский – о героях, возвышающихся над повседневностью; автор «Уэверли» выступает ретранслятором общенационального исторического опыта. В этом отношении автор «Семейства Холмских» оказывается одним из сторонников той же модели взаимоотношений автора и читателя, что и Иван Петрович Белкин. Но есть существенное отличие: анонимный автор не готов вести с читателями ироническую игру, которая была характерна для автора «Евгения Онегина», а затем «Повестей Белкина». Для него читатель остается не равноправным партнером по творческому процессу, как было для Пушкина, а лишь пассивным объектом воздействия.

«Серьезность» авторской позиции обусловлена телеологическим характером понимания им творческого процесса. Главным героем романа является

семья в многочисленных ее проявлениях. Но семья для автора – понятие не столько социальное, сколько нравственное: семьей становится объединение только тех, кто разделяет одни и те же жизненные ценности, исповедуют одни и те же принципы. При этом автор не оставляет за читателем права выбора: если следовать терминологии М. М. Бахтина, «Семейство Холмских» создано жестким сторонником монологического романа. Это закономерное продолжение жанровой установки: в нравоописательном романе автор ретранслирует истину, освященную традицией и обществом. В этом отношении он – не «один из публики», а избранный. Анонимность позволяет не просто остаться неуязвимым для критических стрел, но и не компрометировать Истину, глашатаем которой себя ощущает: частное лицо может заблуждаться, выразитель Истины – никогда. И та резкость, с которой он реагирует на критические высказывания реальных читателей, вызвана именно подобным отношением к себе и своему тексту.

И здесь автор «Семейства Холмских» попадает в собственную ловушку. Сакрализация высокой цели предполагает ответное «молчание» внимающего с трепетом читателя. Общий с читателем опыт входит в противоречие со священным трепетом по отношению к заложенной в тексте истине. Когда жизненный опыт автора перестает совпадать с опытом читателя, выясняется, что авторская истина не обладает сакральностью, которая характерна для истины эпохи классицизма или Просвещения. Бегичев в предисловии к третьему изданию романа оговаривает: «...надобно повиноваться большинству голосов, принять в уважение общее мнение и представить книгу в третьем издании в том же виде, как она явилась в первом и даже с некоторыми прибавлениями» [1, ч. 1, с. XIII–XIV]. Но девять лет, прошедшие между первым и третьим изданиями «Семейства Холмских», были годами коренной этической и эстетической перемены в сознании массового читателя. Первое издание романа вышло в эпоху пушкинскую, в то время как третье – в эпоху гоголевскую. До выхода «Мёртвых душ» осталось менее года. Жизненный опыт читателя изменился, изменились и его читательские запросы. Бегичевский же роман изначально рассчитан на читательскую аудиторию, не склонную к пересмотру своих жизненных и эстетических ценностей. Такой аудитории не могло быть в эпоху бурных идейных перемен – даже наиболее консервативная часть общества меняется со временем. Монологизм авторского сознания не способен вместить в себя будущего читателя.

Это очевидно по реакции, которую встретил в 1840 г. следующий бегичевский роман, гордо украшенный подписью «Сочинение Автора "Семейства Холмских"» – «Ольга». Приведем цитату из едва ли не самого доброжелательного отклика на него: «Писатель, который поставил нравоучение целью своего романа, лишает сам себя средств действовать на сердце человеческое с тою силою, с какою обыкновенно действует искусство, когда ему не мешают действовать свободно и самостоятельно» [5, с. 159]. И далее: «Мы не сомневаемся, что автор "Ольги" в состоянии написать хороший поэтический роман; но как ему захотелось написать скучный, то, разумеется, он вполне и достиг своей цели» [5, с. 159].

Можно сказать, что третье издание «Семейства Холмских», уже не являвшееся, судя по всему, коммерчески выгодным проектом, было призвано как бы компенсировать моральный урон автора от читательского неуспеха его новых произведений.

Список литературы

1. <Бегичев Д. Н.> Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян. Издание третье, вновь рассмотренное и исправленное: в 6 ч. М., 1841–1842.
2. Долинин А. А. История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М.: Книга, 1988. 320 с.
3. Мещеряков В. П. А. С. Грибоедов: Литературное окружение и восприятие (XIX – нач. XX вв.). Л.: Наука, 1983. 267 с.
4. Надеждин Н. И. Летописи отечественной литературы: Русский Жилбаз. Похождение Александра Сибирякова, или Школа жизни. Сочинение Геннадия Симоновского; Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян // Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. М.: Художественная литература, 1972. С. 326–330.
5. «Ольга, быт Русских дворян в начале нынешнего столетия», соч. автора «Семейства Холмских». С.-Петербург, в типографии А. Плюшара, 1840 // *Сын Отечества*. 1840. Т. 5. С. 145–164.
6. <Полевой Кс. А.> Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого. СПб: А. С. Суворин, 1888. VIII, 588 с.
7. Пржецлавский О. А. Фаддей Бенедиктович Булгарин // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века; сост. Федута А. И. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 448–462.
8. Пушкин А. С. Граф Нулин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 5. Поэмы. 1825–1833. 1948. С. 11–13.
9. Рейтблат А. И. Русские «бестселлеры» первой половины XIX века // Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 191–203.
10. Строганов М. В. Читатели-современники о поэме Пушкина «Руслан и Людмила» // Литературное произведение и читательское восприятие: Межвузовский тематический сборник. Калинин: Изд-во Калининского гос. ун-та, 1982. С. 84–101.
11. NN <Полевой Н. А.> Сочинения Ф. Булгарина. 10 частей. 1827 и 1828 годов; Иван Выжигин. 4 части, 1829 г., *два издания* // *Московский Телеграф*. 1829. № 13. С. 65–79.

**THE READER IS IN MIND OF THE AUTOR
OF AN «ANONYMOUS WORK»
(case D. N. Begichev)**

A. I. Feduta

European Humanities University (Vilnius, Lithuania)
The department of social and political Sciences

The article examines the author's orientation towards the reader's perception, representative of "anonymous" works – texts whose authors deliberately conceal their names from the public, turning anonymity into a game element with the addressee. One of the "best sellers" of Pushkin's time – a novel by a "secondary" Russian writer D. Begichev – "Kholm'sky family" – has been chosen as a object of this research.

Key words: *D. N. Begichev, Russian literature, author, reader, novel, anonym, V. Scott, F. V. Bulgarin, N. A. Polevoj, A. S. Pushkin, A. S. Gribojedov, "Kholm'sky family"*

Об авторе:

ФЕДУТА Александр Иосифович – кандидат филологических наук, доцент департамента социальных и политических наук Европейского гуманитарного университета (LT-10102, Литва, Вильнюс, ул. Валакулю, 5), e-mail: feodor1964@yandex.ru